

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОПАГАНДИСТСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССЫ

Совершенствование и обогащение социальной и духовной жизни в условиях развитого социализма, возрастание значения сознательного творчества народных масс, усиление социальной роли идейного и нравственного воспитания, резкое обострение идеологической борьбы на международной арене — все это ставит перед пропагандой и агитацией, перед всей идеологической работой целый ряд новых вопросов, требующих всестороннего научного осмысления.

В настоящее время возникла практическая необходимость дальнейшей теоретической разработки проблемы эффективности пропаганды, научного управления процессом ее проведения и организации, отыскания кратчайших и наиболее действенных путей ее влияния на формирование и развитие личности.

Практика пропаганды в нашей стране и за рубежом показывает, что по-настоящему она может быть успешной лишь в том случае, если проводится с учетом закономерностей познавательного процесса, когда пропагандистский материал и само пропагандистское воздействие на массы психологически обоснованы. Только в этом случае пропагандист сможет «наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» [2, т. 21, с. 21].

В практике пропаганды и агитации нередко встречаются такие парадоксальные явления, когда интересная по содержанию лекция оставляет слушателей равнодушными, тогда как слабее подготовленное выступление или беседа пропагандиста выливается в оживленную и интересную дискуссию, несущую определенную воспитательную нагрузку; один и тот же пропагандистский акт (беседа, лекция, передача по радио и телевидению, статья в газете и др.) при равных условиях одной аудиторией хорошо воспринимается и высоко оценивается, в то время как другой отвергается. Причин здесь немало: мастерство пропагандиста, особенности аудитории, форма и содержание информации и т. д. Но в чем же состоит главная причина, от которой зависит способность информации привлекать внимание человека, пробуждать к себе интерес?

Пропагандистское воздействие, несущее определенный заряд информации, вызывает у объекта пропаганды (слушателя, зрителя, аудитории и т. д.) ответную реакцию, сила которой зависит не только от количественных и качественных параметров субъекта (источника) пропаганды, но и от индивидуальных (групповых) особенностей объекта. Пропагандистский акт и последовавшие за ним изменения в сознании и поведении отдель-

ной личности или целого коллектива соотносятся друг с другом как причина и следствие.

Известно, что в отличие от механистического детерминизма детерминизм диалектико-материалистический рассматривает связь причины и следствия не как пассивное отражение одного другим, а как взаимодействие, при котором внешняя причина всегда действует, преломляясь через внутренние условия и организацию. «Механистическая попытка непосредственно связать поведение человека с внешней ситуацией по схеме «стимул-реакция» безнадежна, — писал С. Л. Рубинштейн, — ... Внешние воздействия на человека преломляются через внутренние психологические условия. Не учитывая этих последних, нельзя прийти к детерминистскому пониманию действий человека» [6, с. 243]. Это же утверждают и другие психологи [9, с. 95].

Исследованиями советских ученых установлено, что важнейшей функцией сознания человека является отбор существенной для его жизни информации. Критерием при отборе является то, насколько данная информация отвечает доминирующей потребности организма. Человек как бы стремится выяснить, в какой мере информация может быть использована сейчас или в будущем для организации его целенаправленного поведения.

В какой бы промежуток времени мы ни взяли человека, в нем всегда действуют вызванные различными (внешними и внутренними) стимулами определенные потребности.

Любое пропагандистское воздействие на человека вступает во взаимодействие с его актуальной в данный момент потребностью. В каждом пропагандистском акте индивид как бы отыскивает мотив своего «я» и только в соответствии с ним ставит вопрос о своем будущем поведении. Поэтому информация, которую несет пропагандистский акт, вызовет интерес, привлечет внимание лишь тогда, когда она связана с потребностями личности, актуализирует их, указывает пути и средства их удовлетворения. Однако действие не следует сразу же за актуализирующейся потребностью. Между ними существует промежуточное звено, характер которого можно объяснить, обратившись к теории установки.

Исследования грузинской психологической школы показали, что в том случае, когда индивид осознает определенную потребность и условия, в которых эта потребность может быть удовлетворена, тогда в его организме возникает особое состояние, которое характеризуется «как склонность, как направленность, как готовность... к свершению акта, могущего удовлетворить... потребность» [7, с. 29]. Такое состояние Д. Н. Узнадзе назвал установкой. Она является как бы организующим и конституирующим фактором деятельности человека и всегда предшествует его поведению. Успех пропагандистского мероприятия прямо зависит от того, насколько полно учитываются потребности человека, в соответствии с которыми люди ориентируют свое вни-

мание, воспринимают информацию, формируют или изменяют мнение, строят свою деятельность и поведение.

«Каждый общественный класс имеет свое особое положение, свой особый взгляд на окружающий его порядок вещей, свое горе, свои радости, свои надежды и стремления..., свой особый внутренний мир... Вот почему поэтические произведения очень нравятся одному классу или слою общества, часто теряют почти всякий смысл для другого», — писал Г. В. Плеханов [5, с. 280]. В данном случае речь идет не о мимолетных, сиюминутных настроениях и преходящих психических нуждах, а в первую очередь о тех, которые возникают в связи с коренными материальными и духовными потребностями людей. Пропаганда становится эффективной, когда она опирается на нечто «гораздо более важное и более глубокое, чем настроение и его перемена: основные интересы масс» [2, т. 34, с. 104]. Если пропаганда не учитывает этого обстоятельства, то она, как правило, не достигает поставленных целей и вызывает порой прямо противоположные результаты.

Какими же средствами пользуются пропаганда и агитация, чтобы привлечь внимание слушателей к пропагандируемой идее, концентрировать нечетко ощущаемые побуждения в явную готовность к определенному действию, превратить неясные симпатии или антипатии в твердые убеждения? Эту задачу на психологическом уровне пропаганда решает с помощью внушения и убеждения.

Внушение может осуществляться в различных формах. Если в процессе пропагандистского воздействия используется побуждающая сила потребностей, желаний, эмоций, то в таком случае оно происходит через мотивационную сферу сознания. Используя эту форму, можно внушить аудитории определенные представления о чем-либо, а затем побудить ее к нужным действиям и поступкам.

В практике пропаганды и агитации следует иметь в виду факт негативного внушения. Оно происходит в том случае, когда человеку запрещают что-то делать, побуждая тем самым его к данному поступку. Не случайно это свойство человеческой психики отражено в народных поговорках («запретный плод сладок» и др.), в легендах и сказаниях народов (миф «о ящике Пандоры» и др.). Факт негативного внушения нужно учитывать особенно при выполнении мероприятий, связанных с разоблачением буржуазной действительности, идеологии и морали. Критика их должна быть научной и глубоко аргументированной, ибо «скольжение» по поверхности фактов, голое отрицание без доказательств может привести к отрицательным последствиям.

Внушение может происходить и через идентификацию, когда в ходе пропагандистского акта объект пропаганды осознает свою принадлежность к определенной социальной группе, т. е. идентифицирует свое «я» с другим «я» в одном общем «мы».

Этим самым у слушателя вызываются определенные побуждения, а через них в конечном счете и поведение, свойственное целой социальной группе.

Убеждение в отличие от внушения осуществляется при деятельном состоянии всех участков коры головного мозга, при активном внимании и критическом отношении человека к информации, когда пропагандируемая идея сразу как бы увязывается со всем комплексом представлений и понятий человека и укрепляется в его сознании. Вот почему эффективность убеждения зависит от того, как и в какой форме, насколько аргументированно преподносится пропагандистский материал.

Пропагандистское воздействие обращено прежде всего к сознанию человека, его разуму. Однако приобретенные знания не всегда в полной мере являются критерием его эффективности. Иногда встречаются такие факты, когда человек занимается в кружке политического просвещения, посещает лекции и т. д., но в то же время нарушает трудовую дисциплину, нормы социалистической морали, проявляет пассивность в общественно-политической жизни. Иное дело, когда действия человека отличаются высокой активностью в осуществлении задач коммунистического строительства и соблюдении норм социалистической морали. В этом случае человек не только усвоил определенную сумму знаний, уяснил их смысл, но они закрепились в его сознании в виде глубоко личного чувства, т. е. превратились в твердые убеждения. Справедливо отмечает П. М. Якобсон, что появление активного отношения к явлениям социальной жизни «не может опираться лишь на полученные знания, на апелляцию только к интеллектуальной стороне личности человека, а предполагает его большую эмоциональную затронутость» [10, с. 61]. Обращение пропаганды не только к рациональной, но и к эмоциональной сфере помогает ей более полно формировать ценностную ориентацию личности. «Ничто — ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши, — писал известный педагог К. Д. Ушинский, — не выражают так ясно и верно нас самих и наших отношений к миру, как наши чувствования: в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя» [8, с. 117—118].

Чувства и эмоции у человека возникают в результате его взаимодействия с объективной действительностью и являются одной из форм отражения последней. «Воздействия внешнего мира на человека, — писал Ф. Энгельс, — запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений... воли» [1, т. 21, с. 290]. В эмоциях отражаются не непосредственно предметы и явления реального мира, а отношения, в которых находятся эти предметы и явления к потребностям, целям и мотивам деятельности человека,

Эмоции, будучи одним из важнейших элементов мотивационной сферы сознания человека, являются источником и побудительным началом многих его устремлений, желаний, действий.

В ленинской мысли о том, что «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины» [2, т. 25, с. 112], ярко выражена побуждающая сила человеческих эмоций. Как таковые они появляются тогда, когда окружающая действительность (а применительно к нашей теме — пропагандистское воздействие) вызывает у человека глубокие переживания или длительные впечатления. Поэтому тот или иной пропагандистский акт может взволновать людей лишь в том случае, если затрагивает их чувства, если информация, которую он несет, становится не только предметом размышлений, но и источником волнения. Вряд ли кто из советских людей остался равнодушным к рассказу М. А. Шолохова «Судьба человека», кинофильму «Коммунист» и др. Огромной силой эмоционального воздействия отличались выступления многих политработников, писателей, публицистов как в армии, так и в тылу в период Великой Отечественной войны. Их пламенные слова снимали усталость и рождали новую энергию, страстное желание идти в бой. Высокие патриотические чувства вызвала у советских людей статья дважды Героя Социалистического Труда А. Гиталова «Дума о хлебе». Объясняется это тем, что среди трудящихся страны в данном отношении сложилась определенная психологическая почва. Небывало трудные условия 1972 года вызвали у аудитории «готовность» к восприятию этого значительного по своим масштабам пропагандистского акта.

Но в практике пропаганды и агитации нередки случаи и психологической «неготовности» аудитории к восприятию тех или иных пропагандистских мероприятий. В основе такой психологической «неготовности» лежит своеобразный эмоциональный барьер, являющийся выражением определенных установок личности, ее симпатий и антипатий, которые помогают или мешают воспринимать пропагандистское воздействие. Такой эмоциональный барьер возникает тогда, когда пропагандируемые идеи не соответствуют установившимся взглядам или традициям, бытующим в той или иной социальной среде. В этом смысле особенно актуально звучат ленинские слова о том, что «нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе» [2, т. 21, с. 21].

Эмоциональный барьер может возникнуть и по отношению к тому пропагандистскому акту, который представляется слушателям в скучной форме, когда лекция читается по заранее написанному тексту, сухо и невыразительно. Подобная эмоциональная бедность приводит к тому, что пропаганда не воспринимается слушателем. «Если вы волнуетесь, — говорил М. И. Калинин, — если вопросы, которые вы подняли, имеют значение,

если вы на трибуне решаете вопрос, масса будет увлечена вместе с вами» [4, с. 58].

Образцом использования в пропаганде эмоциональной сферы человека являются страстные, проникнутые глубокой убежденностью выступления В. И. Ленина. В письме в редакцию «Правды» 1 августа 1912 г. Владимир Ильич, отвечая на замечание М. С. Ольминского, что, якобы, гневный тон вредит газете, заметил: «С которых пор *гневный* тон против того, что дурно, вредно, неверно... вредит ежедневной газете? Наоборот, коллеги, ей-богу, наоборот. Без «гнева» писать о вредном — значит скучно писать [2, т. 48, с. 78]. В. И. Ленин непримиримо боролся в пропаганде против инертности, проявлений душевной и политической дряблости. Он решительно отстаивал политическую страстность, революционный пафос, высмеивал лицемерие, напускную «академическую уравновешенность», бесстрастную «профессорскую рассудительность». Одно из важнейших качеств пролетарского оратора, большевистского пропагандиста Ленин видел в умении создавать «атмосферу сердечного доверия». Поэтому, считал он, пролетарскому оратору противопоказаны высокомерие, менторский, поучающий тон, артистизм, самолюбование, ложный пафос, «эмоциональная визгливость», красноречие.

Выступая против абстрактно-просветительского, академического подхода к пропаганде, В. И. Ленин разработал ее основополагающие принципы. Научный подход к организации и проведению пропагандистской работы требует учета психологических особенностей, потребностей и интересов как отдельной личности, так и целых социальных групп и классов. Только при таком условии наша пропаганда и агитация смогут глубже проникать в духовный мир советского человека, конкретно показывать соотношение сознательной деятельности людей и объективных закономерностей, формировать научное мировоззрение у трудящихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, 25, 34, 48.
3. Гегель Г. Ф. Сочинения. М., 1950.
4. Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., 1959, 86 с.
5. Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник VI. Литература, критика и русская философия. М., 1938, 456 с.
6. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, 328 с.
7. Узинадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961, 210 с.
8. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. — Соч., т. 9, М., 1950, 628 с.
9. Шорохова Е. В., Каганов А. В. Философские проблемы психологии. — «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., 1963, с. 63—105.

Л. Б. САДОВСКАЯ

АНТИТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ МАТЕРИАЛИЗМА ТОМАСА ГОББСА

Создание материалистической методологии естествознания было невозможно без решительного отказа от телеологического объяснения природы, бывшего краеугольным камнем схоластического мышления. Учение, имевшее своим источником аристотелевскую философию о так называемых конечных или целевых причинах, стало большим препятствием на пути становления эмпирического познания природы. Ни один из выдающихся представителей философской мысли нового времени, начиная с Бэкона, не остался в стороне от гносеологического анализа проблемы соотношения действующих (физических) и целевых причин при объяснении тех или иных форм естественной целесообразности.

Непосредственный предшественник Т. Гоббса Ф. Бэкон, отвергая телеологическое объяснение природы, выдвинул ряд доводов, которые стали как бы своеобразной программой последующего развития материалистической мысли в этом направлении:

1. Телеологическое учение о конечных причинах неприемлемо не только потому, что навязывает природе чуждые ей цели, но и потому, что противопоставляет вымышленные причины действительным. Умозрительное постулирование конечных причин закрывает путь для познания причин физических, на основе которых единственно возможно предсказание тех или иных наблюдаемых явлений.

2. Предположение о детерминации процессов природы целевыми (конечными) причинами исключает возможность эмпирического познания: любой опыт раскрывает отношение одних явлений к другим, а не к заданным конечным целям.

3. Целевые или конечные причины ничего не объясняют, они лишены какого-либо эвристического смысла. Для тех, кто их навязывает природе, всегда будет скрыт механизм естественного взаимодействия. Телеологическое мышление лишает явления природы их внутренней необходимости и тем самым исключает из сферы естествонаучного познания.

4. Телеологическое объяснение выходит за пределы природы, чем отрицает естествознание как таковое.

Антителеологическая направленность философии Гоббса, несмотря на частые ссылки на священное писание, проявилась в последовательной, хотя в отдельных случаях и в несколько однозначной форме. Поэтому многие современники Гоббса из

лагеря идейных противников характеризовали его философию как «мрачную и ужасную». Это обстоятельство, как известно, было отмечено Марксом, который писал, что у Гоббса «физическое движение приносится в жертву **механическому** или **математическому** движению; геометрия провозглашается главной наукой... Чтобы преодолеть **враждебный человеку бесплотный дух** в его собственной области, материализму приходится самому умертвить свою плоть и сделаться **аскетом**. Он выступает как **рассудочное существо**, но зато с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка» [1, с. 143].

Учение о причинности, развитое Гоббсом, можно считать классическим с точки зрения его философского обоснования для всей эпохи механистического детерминизма. В этом учении в равной степени видны как сильные, так и слабые стороны метафизического детерминизма. Необходимым мы называем такое действие, пишет Гоббс, «наступлению которого нельзя помешать; поэтому всякое событие, которое вообще наступает, наступает в силу необходимости. Ибо всякое возможное событие, как только что было доказано, должно когда-нибудь наступить. Положение **все, что должно наступить, наступит** так же необходимо, как **утверждение человек есть человек**» [4, т. 1, с. 158]. Тавтологичность и однозначность такого определения необходимости не нуждается в каких-либо комментариях: что должно наступить? То, что наступит. А наступит то, что должно наступить. В отличие от Бэкона, который более гибко и диалектично обосновал понятие естественной связи явлений, Гоббс до некоторой степени наполняет понятие необходимости абсолютным содержанием. «Любознательность, или любовь к познанию причин, заставляет людей переходить от наблюдения последствий к отысканию их причин, а затем к отысканию причин этих причин, так что в конце концов они должны прийти к тому заключению, что есть некая причина, которая не обусловлена никакой предшествующей причиной, а является вечной. И эту первую причину люди называют «богом» [4, т. 2, с. 134]. Таким образом, первоначальная деистическая установка, дополненная механистической концепцией однозначной связи причин и следствий, порождает представление о безусловной необходимости естественных процессов природы. В духе такого понимания необходимости Гоббс соответственно решает и вопрос о природе случайности: можно ли, спрашивает он, считать необходимым так же то будущее, которое обычно называют случайным? Да. Все, что происходит, не исключая случайного, происходит по необходимым причинам. Случайным что-либо называется только по отношению к событиям, от которых оно не зависит. Вероятностная или неоднозначная причинность, вышедшая на арену научного познания двумя столетиями позже, совершенно чужда гоббсовскому учению о взаимообусловленности явлений. В конечном итоге Гоббс приходит к выводу, что случайным является

то, «необходимую причину чего мы не можем усмотреть» [4, т. 1, с. 159]. Случайность переходит в ранг категории, характеризующей меру познания необходимости и, в силу этого, освобождается от какого-либо объективного содержания.

Развивая свое учение о всеобщей обусловленности, Гоббс вполне обоснованно связывает принцип причинности с категориями возможности и действительности: «Причине и действию соответствуют **возможность и действительность**. Это, в сущности, тождественные понятия, и их обозначают различными именами лишь в различной связи» [4, т. 1, с. 156]. Согласно Гоббсу, когда в каком-нибудь теле имеются все акциденции (свойства), необходимые и достаточные для того, чтобы при взаимодействии с другим телом были вызваны те или иные следствия, то мы говорим, что в нем заложена возможность следствия, которое станет действительностью в процессе причинного взаимодействия. Свойства тел, образующие действующую причину, тождественны условиям, которые составляют возможность. Связь принципа причинности с категориями возможности и действительности является для Гоббса основанием для установления временной последовательности между причиной и следствием: «Причина относится к прошедшему, возможность — к будущему» [4, т. 1, с. 156].

Рассмотрим, наконец, отношение Гоббса к формальной и конечной причинам, которые были, по сути, атрибутивной принадлежностью схоластического мышления и не вписывались в рамки материалистической методологии естествознания. Кроме действующей и материальной причин, пишет Гоббс, «метафизики признают еще две причины, а именно сущность вещи (которую некоторые называют формальной причиной) и цель, или конечную причину. На деле же обе они являются действующими причинами» [4, т. 1, с. 160]. Гоббс немногословен. Детальный анализ понятия формальных и действительных причин представляется ему пустым делом. Можно было сослаться на Бэкона, но Гоббс с ним был не в лучших личных отношениях и его имени в своих трудах никогда не упоминал. Логика научного познания свидетельствует, что если для объяснения одного и того же явления одновременно используется несколько причин, то те из них, которые являются надуманными и в силу этого бессодержательными, растворяются в понятии, действительно раскрывающем суть явления. Поэтому для Гоббса понятия формальной и конечной причин целиком и полностью растворяются в понятии действующей причины и теряют самостоятельное значение. Гоббс только удивленно замечает, что «непонятно даже, какой смысл можно вложить в утверждение сущность вещи является ее причиной» [4, т. 1, с. 160]. Повторяем, что в анализе понятий формальных и конечных причин Гоббс не пошел дальше Бэкона. Этот вопрос, очевидно, представлялся ему уже решенным.

Но есть проблема, в постановке и частичном решении которой Гоббсу принадлежит безусловный приоритет в истории материалистической мысли нового времени. Речь идет об объяснении целенаправленной сознательной человеческой деятельности с позиций причинной обусловленности. Автор предисловия к двум томам избранных произведений Гоббса В. В. Соколов справедливо отмечает, что проблеме человека в известном смысле можно рассматривать как центральную проблему философского учения Гоббса. Как моральное существо человек составляет основу его социологической доктрины. Но, с другой стороны, человек выступает у Гоббса как физическое, природное существо, как «тело» в ряду других естественных тел.

Суть этой проблемы в свое время была четко сформулирована И. Кантом, который считал, что природу следует мыслить так, чтобы закономерность ее форм по крайней мере соответствовала возможности цели, осуществляемой в ней по законам свободы. Н. Н. Трубников, автор интересной, хотя в отдельных выводах и спорной работы (Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968), обоснованно подчеркивает, что поскольку человек практически осуществляет в этом мире природы свои цели, постольку его целевая деятельность не может быть согласована с объективной закономерностью природы. Мы должны исходить из того, что человек есть существо природы, результат ее развития. Ни в какой мере не отвлекаясь от социально-исторической сущности человека, мы должны понимать, что человек не только живет в природе и природой, но сам есть эта природа, звено в ее развитии. Поэтому его целевая деятельность и теоретически не может быть чем-нибудь иным, кроме действия закономерностей «самой природы. Тогда причинность «по целям» не только не опровергает причинности «из необходимости», но предполагает ее, оказывается возможной лишь при ее неременном условии. Поэтому причинность по целям, осуществляемая человеком в его деятельности, не может быть принципиально иным порядком бытия, не может быть внеприродным или сверхприродным порядком. И если это так, то действительная задача заключается не только в том, чтобы зафиксировать различие между причинностью по целям и причинностью из необходимости, но также и в том, чтобы понять то и другое как формы одного и того же, как формы одной и той же природы.

Таким образом, персд материалистами XVII в. стояла сложнейшая задача: каким образом вписать целесообразную деятельность человека в границы естественной необходимости природы, явления которой сами по себе чужды каким-либо целям? В переводе на язык, которым пользовались мыслители той эпохи, это означало следующее: что является определяющим при объяснении целеполагающей деятельности людей — действующие или целевые (конечные) причины?

Гоббс, рассматривая эту проблему, замечает, что «о **целевой причине** речь может идти только тогда, когда имеют в виду те вещи, которые обладают чувствами и волей. Однако и у них, как мы покажем позже, конечная причина есть не что иное, как действующая причина» [4, т. 1, с. 160].

В природе единственной формой проявления естественной необходимости, утверждает Гоббс, являются действующие причины. Следовательно, показать, что причины, характеризующие целесообразную человеческую деятельность, которые нами субъективно воспринимаются как целевые (конечные), в действительности выступают как действующие, — значит вписать разумную деятельность в рамки естественной необходимости, показать, что человек является частью природы, действует в соответствии с ее объективными законами.

Соотнести целевые побуждения с естественной объективной необходимостью — значит материалистически поставить вопрос о свободе и необходимости, показать, что свободная и целесообразная деятельность в тех или иных ее формах есть в конечном итоге отражение необходимости природы, отражение объективной необходимости в целом. Таким образом, Гоббс одним из первых пришел к выводу, что проблема целесообразности сознательной деятельности, извращенная и крайне запутанная теологами и телеологами, может быть осмыслена лишь при условии материалистического решения вопроса о соотношении свободы и необходимости. Говоря словами В. И. Ленина, Гоббсу надо было показать, что «законы внешнего мира, природы... суть основы **целесообразной** деятельности человека» [2, с. 169].

Такая постановка вопроса, связывающая в единое целое проблему целеполагания с проблемой свободы и необходимости, насколько нам известно, в такой законченной форме впервые встречается у Гоббса. Впоследствии ее разделяли многие известные мыслители. Так, Гегель в «Науке логики» пишет, что антиномия «**фатализма (вместе с детерминизмом) и свободы** разным образом касается противоположности между механизмом и телеологией» [3, т. 3, с. 185].

Детальный анализ этой проблемы Гоббс осуществил в своем трактате «О свободе и необходимости», опубликованном в 1656 году. Рассматривая механизм целеполагания, отличающий сознательную деятельность, Гоббс указывает, что ничто не имеет начала в самом себе, но все происходит в результате действия тех или иных внешних факторов. Следовательно, если у человека возникает желание или воля совершить какое-либо действие, выполнить которое непосредственно перед этим у него не было желания, ни воли, то причиной этого бывает не сама воля, а что-либо иное, не находящееся в его распоряжении. «Если, таким образом, бесспорно, что воля есть необходимая причина добровольных действий, и, если, согласно сказанному, сама воля обусловлена другими, не зависящими от нее вещами, то отсю-

да следует, что все добровольные действия обусловлены необходимыми причинами и являются вынужденными [4, т. 1, с. 556]. Отсюда видно, что Гоббс не отрицает, как утверждали его оппоненты, роли психических факторов, в частности, целеполагающей воли в детерминации человеческого поведения. Материалисты, как и идеалисты, согласны в том, что непосредственной причиной человеческих свершений является субъективный фактор, в частности, постановка обоснованной цели. Но если идеалисты стремятся оторвать волю или желание от объективной действительности, объяснить субъективный фактор из него самого как имманентное состояние духовной субстанции, то материалисты, не отрицая субъективного фактора, соотносят его с объективными условиями человеческой жизнедеятельности. Мы не утверждаем, что Гоббс хоть в какой-то степени подошел к материалистическому пониманию общественной жизни. Он, как и многие его современники, апеллировал к естественной природе человека, требовал соотносить целеполагающую деятельность с ее естественными условиями. Но уже само требование объяснения целеполагания из объективных условий было огромным шагом вперед. Об этом пишет В. И. Ленин, замечая, что «цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода») [2, с. 171].

Однако человек испытывает на себе влияние окружающей среды, объективного мира только как физическое тело. В этом заключается один из важнейших принципов материалистического сенсуализма, который разделял и Гоббс. Только тела могут воздействовать на тела, ибо дух — это внутреннее состояние материального тела. Поэтому в основе целеполагания лежит физическое взаимодействие, которое реализуется через действующие причины. Таким образом, целевые или конечные причины, которые мы субъективно мыслим как достаточное основание нашей деятельности, на деле оказываются лишь отражением действующих физических причин, а поэтому могут быть к ним сведены. Объективно, согласно Гоббсу, существуют только действующие причины, через которые реализуется любое физическое взаимодействие, составляющее суть мирового порядка. А поскольку человек включается в процесс естественного взаимодействия только как физическое тело, а его субъективный мир является лишь внутренним основанием для деятельности, то в силу этого связь естественных физических действующих причин не нарушается ни в одном звене привнесением целевых причин. Субъективный мир с его целеполаганием существует не для природы, а для каждого из нас в отдельности, в отношении же к природе мы существуем лишь как физические существа, подчиненные только объективной необходимости. Субъективная необходимость для нас есть только отражение объективной

необходимости природы в себе. Первая может сопутствовать второй, но ни в одном моменте не в состоянии вклиниться в ее абсолютный порядок.

Поэтому будет неверным, с точки зрения принципа причинности, подразделять предметно-чувственный мир, который мы называем природой, на немыслящую материю, которая в своем движении подчинена естественной необходимости, и мыслящую материю, в лице человека, которая реализует свои возможности путем целеполагания. Объективно обе эти части материи абсолютно равнозначны, и ни одна из них не может выйти за рамки, предписанные законом природы. Ни одна из них также не может навязывать свои цели другой: немыслящая материя — потому, что она лишена каких-либо форм целеполагания, человек — потому, что его субъективные цели есть лишь отражение всеобщей объективной обусловленности. Остается лишь всеобщее взаимодействие, которое и есть высшее выражение мирового порядка.

Гоббс действительно показал, что конечные причины «есть не что иное, как действующие причины». Он связал тесными узами природу и человека, которые противопоставлялись друг другу религиозно-идеалистической философией.

Гоббса обвиняли в фатализме. Его философию объявляли мрачной и чудовищной. Но для этого нет никаких оснований. Гоббс не отрицал свободу воли, он лишь связал ее с объективной необходимостью природы. Даже в тех случаях, когда отдельные высказывания английского материалиста можно истолковать в духе критики его оппонентов-из лагеря теологов, нужно учитывать, что пафос его исследований был направлен не на подрыв свободы воли, а на защиту естественной необходимости природы. Гоббс лишь в той степени восставал против «свободы воли», в какой она вступала в противоречие с основополагающим для него принципом объективной необходимости. В последнем легко убедиться. Свободная деятельность связана со свободой выбора. Гоббс не отрицает свободы выбора, но считает, что в конечном итоге эта свобода имеет своим источником те или иные внешние предпосылки. «Утверждая, — пишет он, — что действие было необходимым, я говорю не то, что оно было сделано вопреки воле совершившего его, но то, что оно произошло согласно его воле и необходимому, ибо воля человека, т. е. каждое его желание или волевой акт и намерение имеют достаточную, а значит, и необходимую причину» [4, т. 1, с. 552—553].

Цель может воплотиться лишь в форму представления или идеи и в силу этого не может предшествовать возникновению самих вещей. В таком изменении последовательности между вещами и представлением о них, на котором настаивает телеология, считающая, что целевое представление предшествует вещи, Гоббс отказывает даже господу богу: «Нельзя сказать, —

подчеркивает он, — что предвидение бога в истинном смысле слова может быть причиной какой-либо вещи, ибо предвидение является знанием, а знание зависит от бытия познанных вещей, в то время как вещи не зависят от знания» [4, т. 1, с. 531].

Нам представляется, что это был достойный вызов схоластическому образу мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
3. Гегель. Наука логики. М., «Мысль», 1972, т. 3, 374 с.
4. Гоббс Т. Избранные произведения, М., «Мысль», 1964, т. 1, 582 с., т. 2, 747 с.

М. Ф. ПАРТОЛИН

ВЕЛИКИЙ УКРАИНСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ-ДЕМОКРАТ XVIII СТОЛЕТИЯ Г. С. СКОВОРОДА

Философско-литературная деятельность Г. С. Сковороды сыграла большую роль в развитии общественно-политической и философской мысли на Украине XIX столетия. Великий писатель-демократ посвятил свою жизнь и творческую деятельность борьбе за лучшее будущее украинского народа, за новые отношения между людьми. В своих философских и литературных произведениях Г. С. Сковорода глубоко раскрывает пороки феодального общества, разоблачает крепостнические порядки, выступает за уничтожение гнета человека человеком, установление свободы и равенства между людьми.

Идеологи эксплуататорских классов извращали общественно-политические и философские взгляды Г. С. Сковороды. Буржуазные националисты П. Кулиш, М. Мирчук, Д. Чижевский и другие, проповедывая теорию «единого потока» и «бесклассовости» украинской нации, утверждали будто бы философский материализм «чужд украинскому народу» и называли мыслителя-демократа идеалистом и мистиком.

История развития философии и литературы на Украине не представляла собой «единого потока» развития, без борьбы противоположных классов. Сама жизнь, классовые выступления трудящихся против угнетателей полностью опровергли буржуазно-националистические концепции. Передовая общественно-политическая и философская мысль на Украине формировалась в ходе непримиримой борьбы против идеализма, мистики и клерикализма.

Г. С. Сковорода родился в 1722 г. в семье крестьянина-казака. В 1738 г. он поступает в Киевско-Могилянскую академию, где быстро проявляет свои блестящие способности. Его посылают в придворную капеллу царицы Елизаветы в Петербург. На новом месте Г. С. Сковорода продолжает знакомиться

с жизнью и великими традициями русского народа, его классической литературой и передовыми деятелями русской культуры, которые оказали большое влияние на формирование его взглядов.

В 1744 г. Г. С. Сковорода возвращается в Киево-Могилянскую академию для продолжения учебы. В этот период у него возникает жгучая ненависть к служителям религиозного культа и бюрократической системе царизма. В академии он проучился шесть лет, но, не желая стать священником, делает все возможное, чтобы покинуть академию.

С 1750 по 1753 г. Г. С. Сковорода находится за границей в Венгрии при русском посольстве генерал-майора Вишневского. В это время он побывал в Германии, Австрии, Италии и других странах. За границей он слушает лекции в университетах, встречается с видными учеными, знакомится с философией и литературой Западной Европы. В 1753 г. Г. С. Сковорода возвращается на Украину и с помощью знакомых устраивается на должность преподавателя теории поэзии в Переяславском коллегиуме. Находясь под сильным влиянием Ломоносова, мыслитель пишет произведение «Рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной», в котором обосновывает новую систему сложения стихов и так же, как и Ломоносов, решительно критикует схоластику в преподавании. Идейная направленность преподавательской деятельности Г. С. Сковороды резко расходилась с официальным курсом коллегиума, поэтому переяславский епископ потребовал, чтобы он читал лекции по старой церковносхоластической системе. Мыслитель категорически отверг это требование епископа, после чего был уволен из коллегиума.

В начале 1754 г. Г. С. Сковорода переезжает в село Кавраи недалеко от Переяслава к помещику Степану Тамаре на должность домашнего учителя его сына Василия. Здесь он пробыл около шести лет. Мыслитель сближается с простым народом, знакомится с его бытом, подневольной жизнью, наблюдает бесчинства и жестокий гнет помещиков-крепостников. В этот период завершается формирование его мировоззрения как писателя-просветителя и демократа.

Г. С. Сковорода много времени уделяет творческой работе. Он пишет стихи, которые затем были объединены в сборник «Сад божественных песней». В них ярко проявляется общественно-политическая убежденность писателя-демократа. В сатирической песне «Всякому городу нрав и права» он подвергает резкой критике жестокость и бесчинство помещиков-крепостников, взяточничество в судах, карьеризм чиновничества и т. д.

В 1759 г. по приглашению белгородского епископа И. Маткевича Г. С. Сковорода переезжает в Харьков на должность учителя в коллегиум местного дворянства. Через год, пытаясь удержать выдающегося мыслителя в училище, епископ предложил его знакомому Гервасию поговорить с ним, чтобы

он принял монашество, обещая за это славу и богатую жизнь. Мыслитель выслушал посланца епископа и сказал: «...Разве вы хотите, чтобы и я умножил число фарисеев? Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте! А Скворода полагает монашество в жизни нестяжательной, малодовольстве, воздержанности, в лишении всего ненужного, дабы приобрести все нужнейшее» (2, с. 12).

Протестуя против ограничений его деятельности, Г. С. Скворода покидает Харьковский коллегиум и переезжает в село Старицу, расположенное недалеко от Белгорода. Возвратился он в коллегиум лишь тогда, когда администрация отказалась от своих ограничений, предложив ему читать синтаксис и греческий язык.

Писатель был последовательным проповедником свободолюбивых идей среди учащейся молодежи, которая охотно воспринимала его критические отношение к духовенству, религии и церкви. Руководство коллегиума устанавливает за Г. С. Сквородой наблюдение, запрещает молодежи встречаться с ним и вести беседы.

В Харьковском коллегиуме Г. С. Скворода вступает в дружеские отношения с учеником Михаилом Ковалинским, который позже становится его биографом. Вскоре между писателем и Ковалинским началась постоянная переписка. В своих письмах к Ковалинскому на латинском языке писатель-демократ, гневно разоблачая царское самодержавие, говорит: «Это не что иное как «кубло обманов и бесчинств», «Куй себе меч! — советует он своему ученику, — помни, что наша жизнь — это беспрерывная борьба».

Ненависть, преследование и зависть со стороны представителей духовной власти заставили мыслителя в 1764 г. оставить Харьковский коллегиум и переехать в деревню на Слобожанщине. В этом году он побывал в Киеве, где его знакомые и родственники, «будучи тогда монахами в Печерской лавре, напали на него неустанно, говорили кругом, полно бродить по свету! Пора пристать к гавани: нам известны твои таланты, святая лавра примет тя, аки мати свое чадо, ты будешь столб церкви и украшение обители. Ах, преподобные, возразил он с горячностью; я столботворение умножать собою не хочу, довольно и вас столбов неотесанных во храме божем» [2, с. 23].

После изгнания из коллегиума Г. С. Скворода становится странствующим философом. Он был высокообразованным человеком, энциклопедистом своего времени. Иван Франко дал высокую оценку деятельности мыслителя, подчеркнув, что Г. С. Скворода является заметной фигурой в истории украинского народа.

Г. С. Скворода горячо любил свой народ, народ-труженик, народ-созидатель материальных и духовных благ. Он был не только гениальным мыслителем, но и многогранным деятелем,

который посвятил свою жизнь освободительной борьбе трудящихся.

Г. С. Сковорода на протяжении последних пяти лет своей жизни с котомкой за плечами и несколькими любимыми книгами пешком странствовал от селения к селению, помогая словом и делом трудовому народу. Философ часто появлялся в Полтаве, Киеве и особенно в Харькове. Бывал он также в русских городах и селах на Воронежчине, Орловщине, в Приазовье и других губерниях России. Кроме того, мыслитель посещал мелкие непривилегированные монастыри, такие, как Ахтырский, Святогорский, Сумской и др. Во время странствований он учил молодежь, распространял передовые идеи, разоблачал помещиков-крепостников, страстно защищая интересы трудового народа.

Простые люди с любовью относились к мыслителю, считая его своим учителем. Философ везде находил приют и помощь угнетенного народа, а также прогрессивной интеллигенции, которая разделяла его взгляды. В период странствований он создает свои лучшие философские и литературные произведения: «Наркисс. Разглагол о том: узнать себе», «Асхань», «Басни Харьковские», «Дружеский разговор о душевном мире», «Потоп змийн», «Израильский Змий» и др.

Произведения Г. С. Сковороды не издавались в официальных печатных органах, а переписывались школьными учителями, дьячками и распространялись среди школьников и населения, особенно на Украине. Правобережная и Западная Украина тогда находилась под гнетом польской шляхты, а Слободская, Левобережная Украина и Запорожье входили в состав Русской империи. Однако несмотря на раздробленность Украины, произведения великого мыслителя проникали во все ее уголки. Т. Г. Шевченко в своих воспоминаниях о школьном времени, когда он жил в селе на Правобережной Украине, отмечает, что много читал и переписывал басни странствующего философа Г. С. Сковороды. В 1847 г. в одном из стихотворений он говорит:

Давно те діялось, ще в школі
Таки в учителя — дяка
Гарненько вкравду пятака —
Бо я було трохи не голе
Таке убоге — та й куплю
Паперу аркуш. І зроблю
Маленьку книжечку хрестами
І візерунками з квітками
Кругом листочку обведу
Та й списую Сковороду (3, с. 45).

Творчество Г. С. Сковороды и его деятельность привлекали внимание лучших представителей русской и украинской классической литературы Л. Толстого, Т. Шевченко, М. Горького, И. Франко, М. Коцюбинского, П. Тычину, М. Рыльского и многих других.

В оценке общественно-политической и литературной деятельности Г. С. Сковороды следует исходить из ленинских указаний о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, что *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали* нового сравнительно с своими предшественниками» [1, с. 178].

Мировоззрение Г. С. Сковороды формировалось под влиянием социально-экономических условий его эпохи, классовой борьбы, восстания украинских крестьян на Правобережной Украине под руководством Максима Залезника и Ивана Гонты в 1768—1769 гг., восстания крестьян в России под руководством Емельяна Пугачева в 1773—1775 гг., а также под влиянием передовой общественно-политической мысли России и Украины.

Г. С. Сковорода в развитии своей философии шел по пути М. В. Ломоносова, под влиянием передовой общественно-политической и философской мысли этого времени. Он был также знаком с трудами ряда философов античности, ученых западноевропейских стран. В своих произведениях он упоминает Фалиса, Гомера, Демокрита, Эпикура и Аристотеля, Спинозу и Декарта и др.

Философские взгляды Г. С. Сковороды складывались в очень сложную историческую эпоху, поэтому они имеют противоречивый характер. Основной вопрос философии он в общем решал идеалистически, однако в его взглядах проявлялась и материалистическая тенденция, которая в ходе развития его воззрений усиливалась. Г. С. Сковорода колебался между идеализмом и материализмом; эти колебания принимали форму пантеизма, теории «трех миров» и «двух натур».

Писатель-мыслитель окружающую действительность разделяет на три взаимосвязанных между собой мира: а) макрокосмос, т. е. природа или «мир обитателей»; б) микрокосмос или человек и общество и в) «мир символов», т. е. духовная жизнь, основой которой является библия.

Если в ранних своих работах философ называл природу, материю «тварью», «рухлядью», то в последующем он заявляет, что материя вечна и бесконечна. В произведении «Разговор, называемый алфавит, или букварь мира» мыслитель пишет: «Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущая пружина» [4, с. 324].

Г. С. Сковорода утверждает, что окружающий мир вечный и бесконечный во времени и пространстве, не имеет ни начала, ни конца, что его никто и никогда не создавал. В труде «Израильский Змий» он отмечает «Если ж мне скажешь, что внешний мир сей в каких-то местах и временах кончится, имея положенный себе предел, и я скажу, что кончится, сиреч, начинается. Видишь, что одного места граница есть она же и дверь, открывающая поле новых пространностей... И так всегда все идет в бесконечность... и мир сей границ не имеет» [4, с. 345].

Мыслитель-демократ, рассуждая диалектически, говорит, что начало и конец две стороны одного процесса. «Начало и бесконечный конец, начиная кончит, а кончая начинает, рождая погубляет, погубляя рождает» [4, с. 360].

В своих произведениях Сковорода значительное место отводит принципу самосознания. Человек, замечает он, познает самого себя и окружающую природу. Теория самопознания в то время была прогрессивным явлением. Однако необходимым условием счастья людей, подчеркивает мыслитель, является не только самопознание, но и познание сущности вещей, которое дает людям наслаждение и удовлетворение. Познание материи помогает людям понять не только настоящее, но и прошлое и будущее, ибо «еще кто видит днесь, той видит вчера, и открытием дня отвергается в 1000 лет».

Г. С. Сковорода призывал познавать явления и предметы окружающего мира не только с их внешней стороны, но и их внутренний «план», структуру явлений действительности. Он верил во всемогущество человеческого разума и творческую неисчерпаемую силу человека.

В основе развития науки и познания, утверждает мыслитель, лежит практика. Наука освещает путь практике. «Во всех науках и художествах, — говорит он, — плодом есть правильная практика» [4, с. 345].

Однако в гносеологии философ допускал идеализм. Критикуя библию и ее религиозные догмы о сотворении мира, о потустороннем мире он в то же время считал, что библия может помочь людям в изучении предметов и явлений природы и общества. Однако несмотря на то, что в гносеологии философа встречаются элементы мистики, его теория познания имела большое влияние на формирование и развитие передовой общественной и философской мысли на Украине XIX столетия.

Г. С. Сковорода сознательно отказался от привилегий в обществе, от высших духовных должностей и Киевско-Печерской лавре и от светской должности, которую ему предлагал генерал-губернатор Щербинин. Он стойко продолжал свою общественную деятельность, направленную на служение интересам народа, разоблачение идеологии и философии помещиков-крепостников.

В своих произведениях Г. С. Сковорода дал глубокий анализ сословно-крепостнических отношений в России и на Украине. Он раскрыл паразитизм и произвол помещиков, духовенства, царского самодержавия, продажность чиновничества. Вместе с тем он широко показал беззаконие, тяжелый труд, гнет и эксплуатацию крепостных крестьян, всего народа.

Раскрывая произвол и деспотизм царизма, Г. С. Сковорода мечтал о новом обществе, формой управления которого будет

республика, основанная на справедливости, равенстве и дружбе, где каждый человек должен трудиться и приносить пользу себе и обществу. Каждый участник нового общества является его равноправным членом. В республике упраздняется угнетение человека человеком, экономическое и политическое неравенство, тунеядство и паразитизм.

Писатель-демократ с большим уважением относился к людям труда. Основу, смысл жизни и счастье он видел в свободе и в «сродном» труде. Счастье, говорит он, заключается не в религиозных догмах, а в труде, приносящем радость человеку и пользу обществу. В процессе «сродного» труда, отмечает мыслитель, укрепляются и развиваются способности человека, в нем он получает удовлетворение и наслаждение.

Г. С. Сковорода сыграл важную роль в развитии передовой общественно-политической и философской мысли в России и на Украине, однако вследствие исторических социально-экономических условий своей эпохи он не смог преодолеть религиозно-идеалистические тенденции, философ не поднялся до понимания социальных корней религии, как и другие просветители XVIII столетия.

Как и А. Н. Радищев, Г. С. Сковорода верил в то, что царское самодержавие падет прахом под силой народа, выступал против крепостничества и требовал свободы для закрепощенных. Однако, если Радищев требовал немедленной крестьянской революции в России, то Г. С. Сковорода считал идею народного восстания лишь средством устрашения помещиков-крепостников и царского самодержавия. В борьбе против господствующих классов феодального общества он не выходил из рамок просвещения, т. е. полагал, что путем просвещения народных масс можно осуществить переход к новому обществу, основанному на равенстве и дружбе между людьми.

В своих взглядах по этике Г. С. Сковорода выступает как мыслитель-демократ, защищает права человеческой личности, в чем ярко проявились его идеи демократизма и гуманизма. Он требовал, чтобы знание было приобретением народа.

До выхода на арену общественно-политической и литературной деятельности Т. Г. Шевченко ни один литератор, философ и общественный деятель не сыграл такой роли в развитии просвещения и культуры украинского народа, как Г. С. Сковорода. Он оказал огромное влияние на литературное творчество Котляревского, Квитки-Основьяненко, Гулака-Артемовского, Гребенки и других передовых деятелей Украины.

Г. С. Сковорода внес большой вклад в развитие культуры украинского народа. Он заложил основы для формирования и укрепления революционно-демократической идеологии и литературы XIX столетия.

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2.
2. Ковалинский М. И. Жизнь Григория Сковороды. — Г. С. Сковорода. Собр. соч., т. 1. СПб, 1912.
3. К. А. Козачковскому. — Шевченко Т. Г. Повн. зібр. тв., т. II. К., 1953.
4. Сковорода Г. С. Собр. соч., т. I, СПб, 1912.

Ю. Ф. БУХАЛОВ

ОБ ИЗЛОЖЕНИИ СУЩНОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА, СОВЕРШЕННОГО МАРКСИЗМОМ В ФИЛОСОФИИ

Правильное понимание сущности революционного переворота, совершенного марксизмом в философии, имеет определяющее значение для выяснения предмета марксистской философии, ее специфики, структуры, социальной роли и т. д., и, разумеется, для ее преподавания. Но в нашей учебной, а также научной литературе нередко сущность этого революционного переворота излагается недостаточно четко и последовательно.

Обычно подчеркивают, что основоположники марксизма превратили материализм в диалектический материализм и тем самым создали принципиально новую философию, качественно отличающуюся от всех предыдущих философских теорий. Далее перечисляют основные недостатки домарксистского материализма и отмечают, что марксистская философия преодолела их. Конечно, говорят и о том, что важной особенностью (наряду с другими) марксистской философии было создание материалистического понимания истории, которое, однако, далеко не всегда органически связывают с марксистским решением основного вопроса философии, выяснением природы и сущности сознания, созданием научной теории познания, предметом философии.

Но материалистическое понимание истории — не просто важная или даже важнейшая сторона марксистской философии, а ее сущность, которая определяет все другие ее особенности¹. Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что именно материалистическое понимание истории представляет сущность их мировоззрения.

Марксистская философия, являясь итогом, обобщением всей истории познания мира, формировалась прежде всего на основе изучения общественной жизни, опыта классовой борьбы пролетариата в особенности. Открытие и обоснование материалисти-

¹ Автор не стремится раскрыть здесь суть материалистического понимания истории и основные черты марксистской философии, предполагая, что это хорошо известно читателю. Цель данной статьи — в конспективной форме показать, что эти основные черты и особенности обосновываются, исходя из материалистического понимания истории, выводится из него.

ческого понимания истории возможно только с позиций пролетариата — самого революционного класса, коренные интересы которого полностью соответствуют объективной закономерности общественного развития. Поэтому партийность марксистской философии, выражающей интересы рабочего класса, обуславливает ее строгую и последовательную научность.

Глубокий и всесторонний анализ истории развития общества, в особенности капиталистического, дал возможность основоположникам марксизма-ленинизма обосновать определяющую роль материального производства в общественной жизни, показать первичность материальных отношений, общественного бытия, и вторичность сознания, а также идеологических общественных отношений (политических, моральных, религиозных и др.).

Обоснование материалистического понимания истории было вместе с тем и обоснованием материалистической диалектики как науки, ибо последняя отражала прежде всего объективную историческую диалектику социальных процессов, соотношения материальных и идеологических отношений, общественного бытия и общественного сознания.¹ Иногда различают и даже противопоставляют марксистский философский материализм как теорию и материалистическую диалектику как метод. С этим нельзя согласиться не только потому, что любая научная теория выступает вместе с тем как метод, но прежде всего потому, что марксистский материализм, т. е. диалектический материализм и есть материалистическая диалектика.

Именно материалистическое понимание истории, с необходимостью являясь вместе с тем диалектическим, позволило преодолеть основные недостатки прошлого материализма, в том числе его механистичность и метафизичность. Материалистическое понимание истории позволило последовательно научно решить основной вопрос философии, доказать первичность материи и вторичность сознания, показать, что сознание является такой функцией мозга, которая возникает и развивается на основе практической, прежде всего производственной деятельности, раскрыть социальную сущность сознания, его активную, творческую роль в общественной жизни.

Материалистическое понимание истории содержало обоснование определяющей роли практики в процессе познания, оно раскрывало общественно-историческую диалектику субъекта и объекта в практике и в познании, оно является основой научной теории познания. Вне материалистического понимания истории невозможна научная теория сознания (познания).

Материалистическое понимание истории показало, что развитие производства определяет весь процесс общественного

¹ Заметим, что не следует преувеличивать роль открытий естествознания в формировании материалистической диалектики, а тем более представлять их как один из источников возникновения марксистской философии.

развития, раскрыло объективные закономерности этого процесса, обосновало решающую роль главной производительной силы — трудящихся масс в истории. Из материалистического понимания истории закономерно вытекал вывод о социализме как необходимом результате развития общества, о неизбежности социалистической революции и диктатуры пролетариата. Материалистическое понимание истории явилось основой марксистской, политической экономии и теории научного коммунизма.

Знаменитый тезис Маркса «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» вскрывал созерцательный характер предшествующей философии, ее неспособность научно подойти к объяснению, а, следовательно, и к практическому изменению мира, общественной жизни. Материалистическое понимание истории, обосновав единство научной революционной теории и практики, коренным образом изменило социальную роль философии. Марксистская философия стала научной теорией и методом познания и революционного преобразования мира, могучим идейным оружием рабочего класса и его партии в борьбе за коммунистическое переустройство общества.

Материалистическое понимание истории существенно изменило сам предмет философии. Специфика философии, ее отличие от других наук состоит в том, что она исследует отношение сознания и материи. Но домарксовская философия не могла научно понять это отношение. Идеализм превратно представлял его, считая сознание первичным, а материю вторичной. Домарксовский материализм, правильно утверждая первичность материи и вторичность сознания, не смог раскрыть сущность этого отношения рассматривая сознание только как природное, биологическое свойство человека.

Материалистическое понимание истории показало, что отношение сознания и материи представляет не природное, а общественное отношение, ибо сознание существует только как общественное явление и «с самого начала есть общественный продукт» [1, с. 29]. Вне общества, по существу, нет отношения сознания и материи. Реально отношение сознания и материи проявляется только в жизни общества (и человека как члена общества), в соотношении идеального и материального, а также субъективного и объективного в практической и познавательной деятельности, в соотношении общественного (и индивидуального) сознания и общественного (и индивидуального) бытия.

Отношение сознания и материи выступает как самое общее, поскольку все другие отношения даны человеку через него, выявляются как отношения, только отражаясь в сознании человека, осознаваясь им. Отношение сознания и материи как общественное отношение, выражающееся в общих законах развития общества, и составляет прежде всего предмет марксистской философии.

Но материалистическое понимание истории, раскрывая общие законы общественного развития, вместе с тем является основой познания наиболее общих законов развития мира. Материалистическое понимание истории показало, что источником и основой самого познания, критерием его истинности выступает практика, что история развития познания отражает развитие общественно-исторической практики. Общие законы развития мира проявляются для человека прежде всего в практике. Вне практики невозможно открыть эти законы. Однако выявление и осознание их как таковых, как необходимых, существенных связей в отвлечении от случайных, несущественных, происходит лишь в процессе познания самой практики. Диалектика природы существует, конечно, независимо от общества и его сознания, но она не может быть понята вне практики и познания. Объективная диалектика постигается через субъективную, которая отражает ее и проявляется в диалектике познания.

В. И. Ленин подчеркивал, что диалектика есть обобщение, итог истории познания мира и что узловым пунктом диалектики познания является практика человека и человеческой истории [2, с. 84, 156, 159, 252, 298, 316].

Научное обобщение истории познания мира есть научное обобщение практики и через нее — выявление и обобщение законов материального мира. Поэтому материалистическая диалектика, являясь наукой об общих законах развития познания и практики, их соотношения, иначе говоря, наукой об общих законах развития общества, выступает вместе с тем как наука об общих законах развития мира — природы, общества и сознания.

Предмет марксистской философии обуславливает содержание, характер ее собственных проблем и ее роль по отношению к другим наукам. Марксизм показал неосновательность претензий прежней философии представить себя абсолютной системой знаний, «наукой наук», которая, якобы, должна подчинять себе развитие всех остальных наук. Являясь наукой об отношении сознания и материи, об общих законах развития мира, марксистская философия выступает как основа научного мировоззрения, как общая теория и метод познания, оказывая существенное и все возрастающее влияние на развитие общественных и естественных наук. Обобщая в этой связи весь исторический опыт познания и практики, данные других наук, философия тем самым обогащает и развивает свои принципы, категории и законы, формулирует и решает новые проблемы. Единство марксистской философии и практики, ее органическая взаимосвязь с другими науками обуславливают ее творческий характер, необходимость ее постоянного развития и совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Соч., т. 3.
2. Ленин В. И. *Философские тетради*. — Полн. собр. соч., т. 29.

ОБ ИНФОРМАТИВНОСТИ ПОНЯТИЯ

С появлением теории информации в философской литературе всё чаще обсуждается так называемый информационный подход. В рамках последнего анализируются логические формы. Оценке информативности суждений (высказываний) посвящено много работ. Здесь мы предлагаем вариант исчисления информативности простейшей логической формы — понятия.

Нас интересует семантический аспект понятия. Это значит, что мы рассматриваем понятие как сообщение, позволяющее выделять предметы в некотором их множестве. Таким образом понятие, рассматриваемое как источник информации, признаётся некоторой данностью, некоторым средством распознавания. Информацию, заключённую в понятии, естественно отождествить с содержанием понятия¹. Чем больше содержание понятия, тем больше информации оно сообщает.

Очевидно, что сравнение информативности конкретных понятий возможно лишь тогда, когда содержание одного понятия составляет правильную часть другого. Это обстоятельство накладывает определённое ограничение на способ задания той области реальных предметов, над которой осуществляется абстракция, т. е. образование понятия. Мы не можем задавать число реальных предметов независимо от числа соответствующих этим предметам признаков. Учитывая это обстоятельство, нетрудно показать, что между заданным числом предметов N и числом соответствующих этим предметам признаков k существует такая зависимость:

$$N = 2^k$$

или

$$k = \log N,$$

где логарифм взят по основанию 2. Предметную область, например, для $k=3$, можно представить следующей таблицей:

$$\begin{aligned} & a_1 (p_1, p_2, p_3) \\ & a_2 (p_1, p_2, \sim p_3) \\ & a_3 (p_1, \sim p_2, p_3) \\ & a_4 (\sim p_1, p_2, p_3) \\ & a_5 (p_1, \sim p_2, \sim p_3) \\ & a_6 (\sim p_1, \sim p_2, p_3) \\ & a_7 (\sim p_1, p_2, \sim p_3) \\ & a_8 (\sim p_1, \sim p_2, \sim p_3). \end{aligned}$$

¹ На это впервые указал, по-видимому, Е. К. Войшвилло [см. Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967, 286 с.].

Поскольку k соответствует одному предмету данной области, для информативности единичного понятия $\Pi(k)$ имеем:

$$\text{cont } \Pi(k) = \log N. \quad (1)$$

Эта величина определяет число логических шагов для выделения предмета в данной предметной области. Относительно последней это понятие содержит максимальную информацию. Следующее по порядку особенности понятие включает, очевидно, $k-1$ признак. Для информативности этого понятия имеем:

$$\text{cont } \Pi(k-1) = \log \frac{N}{2}. \quad (2)$$

Объём этого понятия составляет уже не один предмет, а класс предметов, что соответствует закону обратного отношения. В общем случае содержание некоторого особенного понятия включает $k-m$ признаков, где $m=1, 2, \dots, k-2$. Тогда для информативности особенного понятия имеем:

$$\text{cont } \Pi(k-m) = \log \frac{N}{2^m}. \quad (3)$$

Выражение (3) при $m=0$ переходит в (1), т. е. определяет информативность единичного понятия. Для значений последовательно $m=1, 2, \dots, k-2$ оно определяет информативность следующих друг за другом по порядку особенности понятий. При $m=k-1$ выражение (3) принимает вид $\text{cont } \Pi(1)=2$, т. е. соответствует информативности общего понятия, содержание которого составляет один единственный признак. Относительно данной предметной области это понятие содержит минимум информации. Оно позволяет различать только предметы двух классов.

Л. А. МАЛЕНКОВА

СТРУКТУРА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОЛЛЕКТИВА

Руководить современным промышленным предприятием — значит видеть и уметь использовать не только успехи научно-технического прогресса, но и огромные достижения социальных преобразований, осознанно, творчески выполнять социальные функции, характеризующие отношения личности с обществом, классом, коллективом.

При исследовании механизма деятельности руководителей производственного коллектива необходимо учитывать особенности их социальной установки, т. е. готовности к социальной активности в области управления производством. При формировании социальной установки определяющим фактором является социальная потребность в управлении делами производственного коллектива. Она возникает в условиях определенной социально

значимой ситуации и при наличии конкретных личностных характеристик — интересов, целей, ценностных ориентаций.

В результате осознания руководителями своих потребностей, целей, установок происходит процесс интернализации социальных норм, знаний, ценностей общества. Складываются соответствующие виды социальной ориентации, на основе которых сознательно воспринимается ситуация и вырабатывается определенное направление действия [4, с. 167].

Особое место в деятельности руководителей занимает ценностная ориентация, которая свидетельствует об осознанной, устойчивой направленности интересов на управленческую деятельность и указывает на соответствующее избирательное отношение к совокупности ценностей, идеалов, на предпочтение того или иного вида деятельности в системе управленческих процессов. Ценностная ориентация является показателем усвоения системы ценностей, отражающих структуру ценностей всего общества. Управленческая деятельность для субъекта будет выступать как ценность в том случае, если она удовлетворяет реальную потребность, соответствует интересам субъекта, если ролевые предписания превращаются в нормы собственного поведения.

Процесс усвоения личностью ценностей прежде всего зависит от того, на каком уровне происходит их интернализация. Совпадение предписанных требований с реальными действиями субъекта свидетельствует о том, что предписания общества воспринимаются им как ценность и становятся адекватными деятельности, установленной общественными нормами.

Воспринятые и усвоенные руководителем ролевые требования определяют ценностное отношение к управленческой деятельности, уровень ценностных ориентаций. В свою очередь, действующая система ценностных ориентаций и социальных установок детерминирует определенное восприятие ролевых предписаний. В случае, когда ролевые предписания не совпадают с реальными актами деятельности, возникают трудности при реализации социальной роли [1, с. 16].

При эмпирическом исследовании наблюдались факты противоречий и несовпадений между намерениями, социальными установками и реальным поведением руководителей среднего звена промышленного предприятия. Такое несовпадение обусловлено рядом объективных и субъективных моментов.

В ходе конкретно-социологического исследования специальному анализу подвергались наиболее значимые ориентации — на сферу профессионального труда, на общественно-политическую деятельность и ориентация на занятие в сфере досуга. Для выявления ориентации в сфере профессионального труда, на основе которой формируются другие виды ориентаций, опрашиваемым предлагалось высказать свое отношение к деятельности, связанной с выполнением технических функций (организация ритмичной работы, координация и взаимосвязь с другими участками

производства, планово-экономические расчеты и др.) и социальных (воспитательная работа, укрепление трудовой дисциплины, решение социально-бытовых вопросов, организация социалистического соревнования, культурно-массовая работа в коллективе, создание благоприятных условий для всестороннего развития личности и др.) [3, с. 127].

Изучение оценки руководителями различных элементов профессионального труда показало, что больше всего ценятся социальные моменты, связанные с выполнением воспитательных, организаторских функций. Социальный момент управленческой деятельности занимает самое высокое место по шкале ориентаций (4, 6 балла при высшей оценке 5). Предпочтение, отданное этому виду деятельности, объясняется, по мнению опрошенных, тем, что данная сторона деятельности способствует общему развитию, умению работать с людьми, повышает эффективность результатов труда, создает возможность нравственного совершенствования, воспитывает такие качества, как дисциплинированность, ответственность, чувство долга. Однако анализ фактических затрат времени на выполнение воспитательных и организаторских функций показал, что они составляют от 6 до 12 процентов рабочего времени руководителей. Исследование рабочего дня руководителя, проведенное методом скрытой фотографии, дало еще более низкий процент (1—1,5%). Аналогичные данные были получены свердловскими социологами [2, с. 19].

Анализ причин, вызывающих значительное отклонение между оценкой значимости и фактическими затратами времени на выполнение функций социального характера, свидетельствует, что такое расхождение вызвано иногда плохими условиями организации труда, загруженностью руководителей работой несвойственной занимаемой должности, а также несовершенством должностных инструкций о мастерах, недостаточным знанием ролевой программы. Материалы исследований свидетельствуют, что чем больше недостатки в организации труда на предприятии, тем, соответственно, меньше времени уходит на выполнение воспитательных, организаторских функций. Из-за загруженности чисто механической, канцелярской работой снижается интерес к содержанию управленческого труда, возникает желание уйти с руководящей должности и заняться работой инженерно-технического характера. Об этом заявили 37% мастеров и 12% начальников цехов предприятий, где проводились исследования.

Выявленные отклонения обусловлены также некоторыми функциональными качествами руководителей: неподготовленностью к выполнению роли руководителя, низким уровнем образования и т. п. Существенным моментом, определяющим ценностную ориентацию руководителей, являются межличностные отношения, складывающиеся в рамках коллектива, а также официальные отношения, вытекающие из социального положения руководителя.

Отдавая предпочтение ориентации на производственную деятельность, руководители высоко оценивают сферу общественно-политической работы. Можно утверждать, что для большинства управленческих работников она стала интернализированной ценностью. Это подтверждается не только данными опроса, но и фактическим участием руководителей в деятельности общественных организаций (из 1200 руководителей 90% занимаются общественной работой).

Об уровне ценностных ориентаций в сфере общественной деятельности свидетельствует не столько значимость выполняемого руководителем поручения, сколько степень его контактов с общественными организациями и коллективом в целом, а также то, как он формирует положительное отношение у трудящихся к участию в управлении делами коллектива. Ценностная ориентация в области общественной деятельности характеризует высокую социальную активность, гражданственность наших руководителей.

Изучение вопроса об интересе к различным сферам общественной деятельности и соотношении фактического участия в той или иной области с внутренним желанием заниматься этой работой позволяет сделать вывод, что квалифицированные руководители, достигающие высоких производственных показателей, проявляют особый интерес к решению вопросов, связанных с управлением производством, совершенствованием организации труда и с общественной деятельностью. У них сильнее проявляется связь между желаемым и фактическим участием в общественной работе. Здесь заметную роль играют такие характеристики, как пол, партийность, образование и особенно возраст, с увеличением которого повышается интерес к такой области общественной работы, как совершенствование организации труда и управления производством.

Анализ ценностных ориентаций показывает, что число руководителей, желающих участвовать в деле рационализаторства и изобретательства, в пропаганде достижений научных и технических знаний, больше, чем количество фактически работающих в данной области. Это связано, с одной стороны, с высокими темпами развития технического прогресса, с пониманием задач научно-технической революции, а с другой стороны, с еще недостаточно активным привлечением к участию в этой работе творческих организаций.

Довольно высокую оценку (на третьем месте) как по общественному мнению, так и по фактическим затратам времени получила ориентация на образование. 38,2% руководителей указали, что если бы их свободное время увеличилось, они бы больше времени стали отдавать учебе. Информация по этому виду ориентации была получена из ответов на вопрос «Учитесь ли Вы в настоящее время?», а также из фактических документов отдела кадров.

Сфера досуга так же, как и сфера труда, определяется конкретными социальными условиями. Деятельность человека в этой сфере не является произвольной. Выбор занятий в свободное от работы время в значительной степени обусловлен индивидуальными возможностями избирательного поведения, ранее сложившимися формами досуга, а также возможностями реализации ориентации в этой области. Однако выбор поведения, занятий во время досуга не так жестко регламентирован предписаниями, как в трудовой деятельности, и допускает широкий диапазон ориентаций в этой сфере. Изучение бюджета свободного времени руководителей на четырех заводах г. Харькова показало, что больше всего времени тратится на учебу, повышение профессионального мастерства. Много времени уделяется чтению литературы: технической, общественно-политической, художественной. Данные, полученные в ходе анкетного опроса, свидетельствуют о несоответствии между желанием заниматься любимым делом и фактической возможностью реализации этого желания. Например, в числе любимых занятий в часы досуга 98% руководителей назвали чтение книг, однако могут реализовать этот вид занятий только 62%; загородные прогулки любимым видом занятий считает половина опрошенных, а реализует их только 35%. О желании посещать театры, кино, стадионы заявили 55% опрошенных, а фактически посещают только 27%.

Результаты исследования позволили выделить три достаточно устойчивые и типичные по уровню управленческого труда группы руководителей, отличающиеся ценностными ориентациями и некоторыми моментами в реализации социальной роли. В качестве критериев выделения типологических групп управленческого персонала нами были использованы: 1) соотношение и уровень реализации функций, уровень ценностной ориентации, ценностного соотношения в сфере управленческого труда; 2) уровень общественно-политической активности, в том числе уровень ценностной ориентации в сфере общественно-политической деятельности. Поскольку руководители по-разному усваивают и реализуют требования, предъявляемые обществом к управленческому труду, при типологическом анализе учитывалось соотношение фактической реализации и предписанных требований.

Выделение групп управленческого персонала позволило установить некоторые особенности управленческого труда, раскрыть механизм взаимодействия отдельных ценностных ориентаций между собой, определить фактический уровень реализации социальных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрущенко А. И. Ценностная ориентация членов социалистического производственного коллектива в сфере общественно-политической деятельности. Харьков, 1972, 21 с.

2. Волков Ю., Гудков В., Фейдерман Ф. Крепить дисциплину труда. Среднеуральск. книжн. изд-во, Свердловск, 1968, 48 с.
3. Колесников Ю. В. О социальных функциях руководителя социалистического производственного коллектива. — Сб. «Научное управление обществом», вып. 6, М., «Мысль», 1972, с. 85—131.
4. Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. Харьков, Изд-во ХГУ, 1970, 208 с.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. А. Мамалуй. Является ли основной вопрос философии научным определением предмета философии?	3
В. А. Ковалева. Об отношении диалектики и метафизики к основному вопросу философии	14
Б. А. Ярочкин, А. П. Заздравнов. Об общественно-исторических формах объекта познания	21
А. С. Приходькин. Специфические особенности системных объектов и теория систем	29
Н. П. Бобкова, И. З. Цехмистро. О взаимосвязи количественной и качественной определенности объектов математического познания	36
В. Ф. Сухина. Место модельного эксперимента в физической интерпретации	41
А. А. Малич. О соотношении идеологической и познавательной функций общественного сознания антагонистического общества	48
В. С. Бакиров. Мораль и право как институты социального контроля	57
А. Д. Нестеренко. Некоторые психологические вопросы пропагандистского воздействия на массы	64
Л. Б. Садовская. Антитеологическая направленность материализма Т. Гоббса	70
М. Ф. Партолин. Великий украинский мыслитель-демократ XVIII столетия Г. С. Сковорода	77
Научные сообщения и заметки	
Ю. Ф. Бухалов. Об изложении сущности революционного переворота, совершенного марксизмом в философии	85
В. В. Шкода. Об информативности понятия	89
Л. А. Маленкова. Структура ценностных ориентаций руководителя производственного коллектива	90

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 112

Философия

Выпуск 10

Редактор *Н. З. Алябьев*
Технический редактор *Л. Т. Момот*
Корректор *Л. К. Бердута*

Издательство издательского объединения «Вища школа»
при Харьковском государственном университете
310003, Харьков, 3, Университетская, 16.

Передано в набор 20.III 1974 г. Подписано к печати 28.VI 1974 г. Форма 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Усл. печ. листов 6. Учет.-изд. листов 6.
Тираж 1000. Заказ 530. БЦ 50175. Цена 66 коп.

Харьковская городская типография № 16 Областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Харьков, Университетская, 16.